
В ЛЕСАХ БЕЛОРУССИИ

1

Борьба за освобождение Крыма увенчалась полной победой советских войск. Враг был разгромлен. Над Севастополем воцарилась торжественная тишина.

И вот наступил тот памятный гвардейцам-таманцам майский день 1944 года, когда впервые за время боев на крымской земле им объявили:

— Сегодня боевых вылетов не будет.

— Почему? — посыпалось со всех сторон.

— Они не нужны здесь больше: в Крыму остались только пленные гитлеровцы!

А спустя несколько дней пришел приказ перебазироваться на другой фронт. Летчики и штурманы отправились в путь на самолетах, остальные — по железной дороге.

Перелет проходил над Украиной.

Как хорошо было лететь над освобожденной землей! Весенний воздух пронизан горячими лучами солнца. Над головой — ясное, совсем мирное небо, в котором уже не будут летать фашистские воздушные пираты. Можно спокойно смотреть во все стороны, любоваться красотами родной природы. Правда, еще видны тяжелые следы войны — ни одного уцелевшего вокзала, рухнувшие железнодорожные мосты, противотанковые рвы, уже зарастающие травой, вдоль дорог еще валяются подбитые танки, орудия, обломки самолетов.

Но раны, нанесенные войной, залечивались быстро, и девушкам радостно было убедиться в этом своими глазами. Там, где еще год—полгода назад витала смерть, гремели сражения, — снова расцветала жизнь, поднимались корпуса восстанавливаемых заводов, дымились фабричные трубы, на полях работали тракторы, с востока на запад тянулись товарные поезда с лесом, станками, оборудованием, строительными материалами для возрождаемых предприятий, городов, сел.

— Хорошо бы свернуть в Донбасс, — сказала Надя Попова своему штурману, когда самолет вылетел из Днепропетровска, — хоть одним глазком посмотреть на своих стариков, повидать, что делается в Донбассе! Представляю себе, какая там кипит работа. Восстановить Донбасс после такого разорения — какой это героический труд!..

А когда через день самолеты поднялись с аэродрома под Брянском, у летчиц-москвичек возникло горячее желание свернуть на денек в Москву («Отсюда так близко!»), опуститься на одном из столичных аэродромов и войти в город с песней:

Здравствуй, столица, здравствуй,
Москва,
Здравствуй, московское небо...

...Но — нельзя, война продолжалась, фронт ждал.

Повезло лишь Нине Худяковой.

Когда самолеты полка прилетели в Курск, Нина сказала своему штурману Тане Костиной:

— До чего обидно — рядом с домом и не повидаю своих!

— А где они у тебя?

— Да недалеко от Брянска, чуть правее по курсу, около Карачева.

Таня вынула карту, нашла Карачев и, прикинув в уме, сколько времени отнимет добавочный путь, посоветовала подруге:

— Пойди к майору и отпросись, скажи, что если вылетим сейчас, не дожидаясь всех, то в Брянске присоединимся к ним.

Бершанская разрешила полет, и Нина отправилась в родной край.

Она знала уже из писем, что враг лютовал здесь, что деревня разорена, но все же была потрясена, увидев с воздуха вместо домов унылые черные пепелища. «Да где же народ? — испугалась она. — Куда мои делись?». И, подумав это, тотчас успокоилась: внизу появились люди, они бежали за самолетом, приветливо махали руками, зазывая в гости.

Нина, увидев среди них женщин, почему-то решила, что ее мать обязательно здесь, и, выключив газ, крикнула вниз:

— Мама, встречай!

Самолет сел в поле, около землянок, где обитали жители деревни, сожженной захватчиками. Нине не давали слова сказать, все обязательно хотели ее обнять, расцеловать. Заодно досталось и Тане. А потом посыпались вопросы: как на фронте, скоро ли конец Гитлеру, как живут девушки, действительно ли воюют или, может, летают только в тылу...

Время шло, и Таня, взглянув на часы, ужаснулась: опоздали уже на десять минут!

Девушки быстро собрались в обратный путь.

— Что же ты, дочка, — только и сказала мать, — даже не поела дома...

А Нина ответила уже из кабины самолета:

— Война, мамочка! Ходит еще фашист на нашей земле...

Таманский полк перебрасывали на Белорусский фронт, где шли большие, упорные сражения. Гитлеровцы крепко вцепились в белорусскую землю — через нее проходила кратчайшая дорога к границам Восточной Пруссии.

В полку было несколько уроженок Белоруссии: Полина Гельман, Зина Горман, Ася Пинчук, авиатехник Кириленко. Родители Зины Горман, не успевшие эвакуироваться, были расстреляны гитлеровцами. Она получила сведения, что ее пятилетнего сына гестаповцы живьем закопали в землю. Все в полку знали об этом, все болели ее горем.

Девушки стремились скорее вступить в Белоруссию, им не терпелось увидеть ее освобожденной, а фашистских насильников, убийц — наказанными по заслугам.

Через несколько дней после вылета из Крыма все экипажи Гвардейского Таманского Краснознаменного авиационного полка приземлились на небольшом аэродроме у белорусского городка Сеща.

Герой Советского Союза
штурман Вера Белик.
Совершила 700 боевых вылетов

2

Девушки выпрыгнули из самолетов на траву, огляделись. Странно — никаких признаков жилья... Хотя бы сарай какой-нибудь — и того нет.

— Где же мы будем жить?

— Да так и будем жить под открытым небом, — ответила начальник штаба Ракобольская, прилетевшая сюда на «Дугласе» еще накануне. — Впрочем, крыша у нас всегда есть — плоскости самолетов. Не забудьте, мы — в Белоруссии. Фашистов отсюда только недавно выгнали. Все разрушено, сожжено. Здесь и местным жителям жить негде. Обойдемся без домов. Только вот комары тут злющие...

— Уж, наверно, не злее, чем в Чалтыре, — сказала Вера Белик. Ей вспомнилось, как три года назад на аэродроме в Чалтыре, под Ростовом, ее

Герой Советского Союза
летчица Татьяна Макарова.
Совершила 760 боевых вылетов

Так и получилось, что с первых дней своей боевой работы на белорусской земле и до последних ее дней, за малым исключением, девушки жили то под плоскостями самолета, то под навесами из елок, срубленных тут же, или в наскоро сделанных шалашах.

На это, разумеется, никто не сетовал. Зато ходом своих дел многие были явно недовольны и не скрывали этого: они рвались воевать, а их с места в карьер засадили за учебу.

Больше месяца полк был занят исключительно командирской учебой и тренировочными полетами. После Кубани и Крыма, с их четкими и ясными ориентирами (горы, крупные селения, море), здесь, в Белоруссии, ориентироваться на местности, особенно ночью, было очень трудно: плоская равнина, леса, перелески, однообразные поля, маленькие деревушки, похожие одна на другую, как близнецы.

Тренировочные полеты проводились не только ночью, но и днем. Вступали в строй новые летчики и штурманы. Техники и инженеры проверяли все самолеты, отремонтировали их, привели в полную боевую готовность.

Партийная и комсомольская организации вели политическую подготовку к предстоящим крупным операциям. Политические занятия, лекции и беседы

нещадно искушали комары. Она больше недели ходила с опухшим лицом: «Двусторонний флюс!» — посмеивалась тогда Таня Макарова.

— А ты помнишь Чалтырь? — вступила в разговор Таня.

— Никогда не забуду. Не из-за комаров, а из-за черного дыма над Ростовом. Зловещий такой дым... Жаль, что не удалось теперь пролететь над Ростовом. Как он сейчас выглядит?..

— Он уже отстраивается, — сказала Ракобольская. — Вот освободим Белоруссию, и здесь начнется такая стройка, что небу жарко станет. Может быть, года через три на этом месте будет стоять гостиница, кто знает?.. А теперь давайте устраиваться.

Из Сеши переехали на другой аэродром, возле деревни Пустынки. Это название удивительно соответствовало действительному положению — после хозяйничанья захватчиков все кругом было пустынно, безлюдно.

об историческом прошлом Белоруссии, о важнейших событиях международной жизни, об огромной восстановительной работе в освобожденных районах проводились и в масштабе всего полка и отдельно по эскадрильям.

3

В ночь на 23 июня 1944 года войска 2-го Белорусского фронта, форсировав реку Проню, прорвали сильно укрепленную оборонительную линию противника и стремительно двинулись вперед по направлению к Могилеву. Это было началом решительного наступления, закончившегося полным разгромом сосредоточенных здесь гитлеровских армий, очищением всей Советской Белоруссии от оккупантов и выходом советских войск к границам Польши.

В Белоруссии врагу был нанесен пятый удар — один из десяти мощных ударов, осуществленных Советскими Вооруженными Силами в течение 1944 года. Удар нанесли одновременно армии четырех фронтов: 1-го Белорусского — маршала Рокоссовского, 2-го Белорусского — генерала армии Захарова, 3-го Белорусского — генерала армии Черняховского и 1-го Прибалтийского — генерала армии Баграмяна.

Темпы наступления были исключительно высокими.

За один месяц — с конца июня по конец июля — наши войска в непрерывных боях прошли на запад несколько сот километров. Гитлеровским дивизиям, как быстро они ни отступали, не удалось оторваться от советских наступающих частей. Под Могилевом, Бобруйском, Минском в окружение попали крупные группировки противника. В «минском котле» очутились тридцать фашистских дивизий. Только незначительной части окруженных удалось вырваться из стальных клещей и рассеяться по полям и лесам. Их вылавливали партизаны и население.

Общая обстановка исторической битвы за Белоруссию наложила свой отпечаток и на действия женского авиационного полка. Он с большим успехом выполнял задания командования фронта: наносил бомбовые удары по переправам противника, уничтожал неприятельские части в пунктах их скопления, патрулировал ночью на дорогах, не давая двигаться вражеским отступающим колоннам, вел разведку укрывающихся в лесах разрозненных групп противника.

Все это, как всегда, было сопряжено с опасностью, требовало предельного напряжения сил: отступая, враг продолжал сопротивляться, особенно в тылах, стреляли фашистские зенитки, нет-нет появлялись гитлеровские истребители, гонявшиеся за «По-2», зная свое превосходство перед ним в вооружении и скорости.

Боевая работа в Белоруссии принесла полку и свои специфические трудности. Линия фронта быстро передвигалась к западу, и летчикам то и дело

приходилось перебираться с одного аэродрома на другой. За месяц полк переменял десять летных площадок. Девушки подшучивали: «Цыгане табором кочуют!..».

Привередничать некогда было, экипажи радовались любой летной площадке — лишь бы она была поближе к линии фронта. Поле возле одного хутора, где несколько дней базировался полк, было таким неровным, что самолеты при разбеге подбрасывало, как на волнах. Но полеты продолжались.

Нелегко приходилось девушкам в лесных чащах. Бывало, что и штаб размещался просто под ветвистым деревом. В дождливые дни спали под накидками, голову мыли в болотах, в них же наскоро стирали. Воду для питья привозили в бочках.

Кухню и столовую часто устраивали на открытом месте: вырывали яму, клали туда дрова — и печь была готова.

«Лесной» образ жизни, отсутствие элементарных удобств несколько не портили настроения. Все были бодрые, веселые, всегда готовы выполнить любое задание командования. Жизнь на открытом воздухе, ночевки в лесу, на траве, частые перелеты и переезды с аэродрома на аэродром еще больше сблизили между собой девушек. Это был дружный и спаянный боевой коллектив, крепкая полковая семья.

4

Перед первой боевой ночью полка в Белоруссии на старт прибыли командир дивизии полковник Покоевой и работники штаба. Вынесли гвардейское знамя. Состоялся короткий митинг. Командир полка майор Бершанская призвала весь личный состав с честью пронести свое знамя через Белоруссию, бить врага так же крепко, по-гвардейски, как били его на Тереке, на Кубани, на Таманском полуострове и в Крыму.

Летчики и штурманы поклялись отомстить врагу за ограбленную, разоренную Белоруссию. Техники и вооруженцы дали обещание работать так же самоотверженно, без усталости, как они это делали на всем своем боевом пути.

В ту ночь полк получил задание нанести бомбовой удар по большому скоплению противника в районе деревни Перелог. Самолеты вылетали по одному, с интервалами в две—три минуты.

Эта атака с воздуха способствовала быстрому прорыву укрепленной линии противника. В стане фашистов возникли сильные пожары, взрывы гремели всю ночь — рвались боеприпасы.

В следующие ночи экипажи Чечневой—Рябовой, Смирновой—Пасько, Поповой—Голубевой, Жигуленко—Пинчук, Никитиной—Лучинкиной успешно бомбили переправы на Днепре, преграждая путь врагу.

В районе одной из переправ экипажи Санфировой—Гашевой и Юшиной—Студилиной дважды были атакованы фашистскими истребителями. Оба экипажа сумели уйти из-под удара.

А затем пошла полоса непрерывных перебазирований с площадки на площадку. Летный состав перебирался быстро, но техники и вооруженцы, следовавшие на грузовиках, иногда задерживались в пути. И это было понятно.

В те дни по дорогам Белоруссии, за плечами наступающих советских войск, непрерывной вереницей ехали машины, шли пешие, поднимая тучи пыли. Все двигались на Запад, к Минску, догоняя передовые части.

Навстречу большими колоннами двигались пленные. «Гитлер капут, Гитлер капут!» — неслось со всех сторон.

Радую девушек, весь этот поток в то же время огорчал их: попробуй пробейся на грузовиках в эдаком столпотворении!

Случалось и так, что девушки, махнув рукой на машины, пробирались «на своих на двоих», как они говорили.

Когда перебазировались с площадки в Красном Бору, группа техников и вооруженцев решила отправиться к месту новой стоянки пешком. Это было не совсем безопасно: из окружения пробирались отдельные группы гитлеровцев, стреляли, пытались наводить панику. Но девушки чувствовали себя спокойно — винтовки у них были. Они даже, трогаясь в путь, шутя называли себя «красноборской бродячей дивизией».

Ночь провели в дороге, а на рассвете дошли до деревни Ясновка, где расположились самолеты.

Жаркое июльское утро. В лесу слышна отдаленная стрельба. Поднявшись с мягкой густой травы (спать здесь можно было без подстилки — «мягко, как на перине»), девушки побежали к речке, умылись, приготовились завтракать. В это время объявили приказ командира полка: немедленно перелететь на новую площадку у деревни Мир. Поспешность объяснялась тем, что к Ясновке приближалась большая неприятельская колонна. Она, однако, свернула на другую дорогу и тут, после короткой схватки, была взята в плен.

Между тем полк снялся с места. Только семь техников во главе с Галиной Пилипенко остались здесь, чтобы отремонтировать самолет, поврежденный в бою.

Техники энергично принялись за работу. На третий день самолет был полностью отремонтирован.

Галя, напевая что-то вполголоса, в последний раз осматривала машину. И вдруг она услышала:

— Девочки, фашисты...

Сказано это было негромко, спокойно, хотя все знали — кругом ни

*Штурман Антонина Розова.
Совершила 138 боевых вылетов.*

Наутро взяли группу пленных. Гитлеровцы, узнав, что попали в плен к женщинам, хватались за голову:

— Рус-мадам, рус-мадам!..

Чтобы подыскать новую подходящую площадку для аэродрома, заместитель командира полка Амосова со штурманом Розановой полетела на разведку. Пролетая над полем, они заметили во ржи серую полосу. Сначала не обратили на нее внимания, полетели дальше. Потом Амосова спохватилась:

— Лора, ты не видела серой полосы во ржи?

— Нет, да я и не смотрела. Давай вернемся, поглядим.

Повернули назад. То же ржаное поле, а серой полосы нет, только рожь помята.

— Ясно, здесь где-то гитлеровцы.

Стали кружить над полем, стрелять из ракетницы. Прибежали наши пехотинцы и забрали большую партию пленных.

Такие же случаи произошли с экипажами Никулиной—Рябовой, Тепиной—Гашевой.

единого советского человека, а оружие — винтовка да несколько пистолетов.

Между тем по дороге приближалась довольно значительная группа гитлеровцев. Шли они вразброд. Один из них нес палку с большой тряпкой на конце.

— Ладно, будем брать пленных, — сказала Пилипенко. — Но на всякий случай примем меры предосторожности.

Когда гитлеровцы подошли метров на полтораста, Пилипенко приказала им остановиться и выслать вперед только одного. Подошел переводчик и объяснил, что эта группа — остаток штаба генерала Фалькнерса во главе с самим генералом.

Тотчас у фашистов отобрали оружие и в сопровождении девушки с винтовкой отправили в ближайшую стрелковую часть.

Вот полк расположился на площадке у деревни Мир. Всю ночь девушки стояли на постах: недалеко от аэродрома по дороге брели фашисты.

В районе станции Негорелое, юго-западнее Минска, откуда гитлеровцы уже были выгнаны, экипаж Амосовой—Розановой неожиданно попал под обстрел. Откуда стреляют? Оглянувшись, увидели внизу группу фашистов. Они стреляли по самолету из автоматов. Была пробита плоскость.

— Еще огрызаются, гады! — в сердцах бросила Амосова. — Как жаль, что нет у нас пулемета.

Вскоре на самолетах были установлены пулеметы.

5

Как бы ни складывалась обстановка, каждую ночь «По-2» появлялись над вражескими позициями, нанося захватчикам новые и новые удары.

Девушки уже давно свыклись с боевыми полетами, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся, совершенно естественное и непреложное. Но случалось и так, что они готовились к полетам с чувством большой взволнованности, охватывавшей всех, кто был на аэродроме, в том числе и тех, кто не летал на этот раз.

Это бывало тогда, когда кто-нибудь впервые отправлялся на боевую работу.

В одну июльскую ночь 1944 года собиралась в полет Тоня Розова. Она пришла в полк год тому назад в качестве вооруженца. Но ей хотелось летать, бить врага с воздуха. Командование пошло ей навстречу: Тоню зачислили в группу по подготовке штурманов. Продолжая успешно выполнять обязанности вооруженца, она настойчиво и напряженно училась, сдав экзамены на «отлично». Теперь ей предстояло заново сдать экзамен уже на практике, в воздухе.

— Признаться, — вспоминает она, — я боялась, что все забуду, что не справлюсь с ответственным боевым заданием. Еще раз, наверное, сотый, проверила свои расчеты, просмотрела маршрут, все расспросила у командира экипажа, с которым летала, у Клавы Серебряковой. И Клава и все другие девушки, которые были на аэродроме, понимали мои чувства, успокаивали: «Да все будет в полном порядке! Ты не сомневайся»...

Наконец, после того как я проверила бомбы, Клава (но мы не называли друг друга по имени при выполнении заданий, а только по званию) спрашивает: «Ну как, все готово, товарищ старшина? Как самочувствие?» Отвечаю: «Все готово. Самочувствие отличное».

Мы взлетаем, ложимся на курс. Вскоре слышу голос командира: «Приближаемся к линии фронта. Смотри вниз и внимательно!...».

Но я уже сама знала об этом по расчету времени. На земле все было отчетливо видно: как идет перестрелка наших и вражеских пулеметов, как

вспыхивают ракеты, а вдали пламенеют пожары. Подлетаем к цели. Нас ловят два прожектора, палят, что есть сил, зенитки. Клава умело — она опытный, смелый летчик — уходит из зоны огня.

Заходим еще раз на цель. Мечутся лучи прожекторов, но поймать нас не могут. А мы уже над целью. Сбрасываю бомбы.

Экипажи, которые летели вслед за нами, а потом и наземная разведка подтвердили, что попадание было точным, цель поражена. Даю обратный курс. Как только перелетели линию огня, слышу голос Клавы: «Поздравляю, все в порядке!».

А на земле мы крепко расцеловались.

Горячо поздравили меня с боевым крещением и другие девушки, вернувшиеся из полетов. Все радовались за свою боевую подругу, ставшую штурманом.

...И хотя в этом полете не было ничего особенного, он запомнился Тоне больше других, хотя впоследствии ей приходилось летать и по четыре, по пять раз в ночь, нередко возвращаясь на израненной машине, со многими пробоинами от осколков зенитных снарядов.

В эти горячие дни Женья Жигуленко случайно попала в автомобильную аварию и потеряла сознание. Когда она очнулась, то сначала не поняла, что с ней, где она. Большая комната, залитая солнцем, мягкая белоснежная постель. Госпиталь...

Она машинально ощупала себя руками: цела! А потом вспомнила, как все было, и почувствовала горькую обиду: из-за такой чепухи — в госпитальный покой!..

Пришел врач.

— Отпустите меня, — сказала Женья, улыбаясь, несмотря на острую головную боль. — Я совсем здорова, мне надо в полк, летать!

— Но-но, — сказал врач, грозя пальцем. — И думать не смейте! Покой и еще раз покой — вот что вам нужно.

Врач подумал: «Шутит, девчонка!..», и направился дальше.

А вскоре, после того как он ушел, Женья поднялась и, быстро сориентировавшись, зашагала на склад.

— Дайте мне, пожалуйста, мою одежду, — попросила она ласково у кладовщицы. — Почистить хочу: завтра выписывают.

Кладовщица добродушно ухмыльнулась:

— Знаем вас, все вы такие, а мы — отвечай! — и наотрез отказала.

Тогда Женья вышла из госпиталя в чем была. Шла попутная машина. Женья спросила у водителя:

— Вы разрешите мне подъехать? — и объяснила положение: — Я совершенно здоровый, здравомыслящий человек, но врач уехал, не может выписать, а в полку меня ждут.

Водитель сказал:

— Я ничего не слышу, — и подмигнул: садись, дескать...

Женя уселась в кузов, накинула на себя брезент, лежавший тут же, и поехала. Приезжает в деревню, где стоял полк, — все пусто, самолетов нет. Тут девушки увидели ее в халате, тапочках... Бросились обнимать, кричат: — Жигуленко сбежала! Какой молодец!

Ночью за ней приехали из госпиталя с приказом вернуть и с охраной. Пришлось Жене вернуться обратно. А утром врачи, внимательно осмотрев ее и сделав строгое внушение, объявили:

— Хорошо, мы вас выпишем. Только дайте слово, что несколько дней отдохнете.

Слово она, конечно, дала. Но разве устоишь на месте, когда подруги идут в полет, когда все кипит кругом!

На следующий день Жигуленко снова начала боевую работу.

6

Большое село Новосады раскинулось вдоль берега Немана. По обеим сторонам широкой, заросшей травой улицы тянутся ограды садов. Эту улицу и пришлось использовать под аэродром. Самолеты стояли, приткнувшись к палисадникам.

Техники и вооруженцы прибыли в Новосады с опозданием: на дороге пришлось переждать растянувшуюся колонну пленных. Как только автомашины остановились в селе, девушки побежали к реке купаться. Они увидели широкий Неман и за ним густой, темный лес. «Как красиво! — восхищались они. — Вот тут бы курорт устроить!».

Но мысли о курорте мгновенно исчезли: за околицей села неожиданно мелькнули серо-зеленые немецкие мундиры.

Вскоре, однако, тревога рассеялась: гитлеровцы шли сдаваться.

К вечеру пленных накопилось человек двадцать. Их заперли в сарай, поставили охрану. Сдавшиеся рассказали, что в лесу за Неманом скрывается большая группа гитлеровцев; оторвавшихся от своих частей, что они вооружены автоматами. Не исключено, что они попытаются ночью напасть на деревню.

Значит, спать на «курорте» сегодня не придется. По приказу командира полка быстро привели все в боевую готовность. Подготовили автоматы, пулеметы. Запрещено было вести громкие разговоры, давать без особого разрешения световые сигналы.

Всю ночь экипажи дежурили у самолетов. Прислушивались ко всякому шороху.

Тихо ходили часовые. Слух напряжен до крайности. Вдруг загремели три выстрела. Тревога! Все приготовились к обороне, но тревога оказалась

ложной. Дело было лишь в том, что какой-то теленок, тяжело дыша, прогуливался по садику и упорно молчал на окрик часового.

Узнав, в чем дело, все от души посмеялись.

Когда рассвело, полтора десятка бойцов из батальона обслуживания, вооружившись автоматами и гранатами, по приказу командира полка пошланы на разведку. Спустя полчаса издали донеслась перестрелка.

Прибывший связной сообщил, что между нашими бойцами и бродячими гитлеровцами завязался бой. Есть раненые, нужна помощь.

Бершанская приказала немедленно снарядить шесть самолетов. Подвесили бомбы. Только на самолете Ароновой—Гельман к этому времени был установлен пулемет. Они и вылетели первыми, за ними — остальные, взяв направление к лесу, где шел бой.

С небольшого холма на окраине деревни было хорошо видно, как бомбы, отделившись от самолетов, падали в гущу неприятеля. Ночные бомбардировщики превратились в дневных.

Соппротивление врага было сломлено, за день взяли около ста двадцати пленных.

К вечеру пошел дождь. Сверкали молнии, грохотал гром. Кто-то из девушек размышлял вслух:

— После жаркого дня гроза, конечно, очень приятна, если сидеть где-нибудь на веранде дачи.

Другая подхватила:

— Зачем обязательно на даче? Я люблю грозу и сидя дома, на тахте, чтобы радио напевало.

Все рассмеялись — так забавны показались эти рассуждения сейчас, когда они прятались от грозы, от ливня под крыльями самолетов, укрывшись промасленными чехлами от моторов.

К тому же ужин запоздал: сырые дрова не горели, печь заливало.

— Что у нас сегодня на ужин? — спрашивали девушки.

— Суп... с дождем, каша... с дождем, чай тоже с дождем!..

А настроение все же хорошее. Собрались вокруг веселой, никогда не унывающей летчицы Тани Макаровой, зацели:

Над аэродромом прокатился громом,
Грохотом знакомым самолет.
Это из-за тучи наш товарищ лучший
Боевой привет нам шлет!...

В это время в штабе, разместившись в сарае, Ирина Ракобольская и Аня Еленина разбирали документы, полученные из штаба дивизии, рассматривали на карте линию боевого соприкосновения и готовили оперативные задания отдельным экипажам.

В другом углу сарая Мария Рунт совещалась с парторгами эскадрилий:

необходимо в ближайшие дни провести по эскадрильям беседы о бдительности.

Партийная организация полка сильно возросла со времени окончания Таманской операции. Теперь в полку было уже около 120 членов и кандидатов партии. Вместо погибшей Жени Рудневой в состав партбюро была избрана Наташа Меклин. Женя Жигуленко стала парторгом эскадрильи.

Во время стоянки в Новосадах командование и партийная организация устроили встречу девушек-гвардейцев с командирами и бойцами партизанских отрядов, вышедших из лесов и присоединившихся к нашим регулярным войскам.

Эта встреча всем запомнилась. Партизаны рассказали о своей самоотверженной борьбе с врагом, о том, как они громили фашистов в тылу, какой громадный ущерб они им причинили, не давая оккупантам ни минуты покоя. Руководили смелой борьбой партизан подпольные горкомы и обкомы партии. Партизаны рассказали также об ужасах фашистской оккупации, о зверских расправах фашистов с мирным населением.

— В Белоруссии, — говорили партизаны, — вы не найдете ни одной семьи, в которой не было бы вдов, сирот, калек. Последнее преступление фашисты совершили перед самым приходом нашей армии: они угнали тысячи детей, держат их в лагерях за колючей проволокой, мучают, терзают. Советская Армия мстит за них. Многие наши отряды уже влились в армию и будут сражаться в ее рядах, чтобы настигнуть палачей и воздать им по заслугам, освободить от фашистского ига все народы.

Встреча с белорусскими партизанами еще раз раскрыла перед девушками благородство и величие правого дела, которому они отдавали все свои силы и помыслы.

7

Война продолжалась. Чем больше приближались наши войска к вражеской территории, к логову фашистского зверя, тем яростнее, упорнее огрызался враг.

В одном из полетов была ранена в левую руку Лида Демешева.

Рана не угрожала ее жизни, быстро зажила, но боль в руке не проходила.

— Пилотировать самолет вам пока что не придется, — категорически объявил врач.

Это было большое горе для Лиды.

Еще за несколько лет до войны, начав работать конструктором на заводе в Саратове, Лида стала учиться в аэроклубе. Вскоре в заводской газете появилась ее заметка, озаглавленная «Буду пилотом».

«Как-то в декабре прошлого года, — писала Демешева, — на комсомольское собрание пришел инструктор аэроклуба. Он рассказал комсомольцам о нашей растущей советской авиации, о необходимости овладевать летными специальностями.

С этого дня у меня появилось стремление сделаться пилотом. Я поступила учиться в аэроклуб и успешно освоила весь курс.

С мая начались практические учения. Несколько полетов совершила под руководством инструктора. А теперь самостоятельно управляю самолетом.

Окончив занятия в аэроклубе, я получу звание пилота. Меня это очень радует. Мы, молодежь, должны готовить смелых, мужественных летчиков, которые сумели бы в любую минуту дать решительный отпор агрессору, если он сунет свое свиное рыло в наш советский огород!..».

Когда грянула война, Демешева пошла добровольцем в Советскую Армию. Учеба в аэроклубе пригодилась ей: она участвовала в боях как летчик отдельной эскадрильи связи при крупном механизированном соединении. Но ей хотелось попасть в ряды знаменитого женского авиационного полка, стать бомбардировщиком.

Летом 1944 года мечта ее сбылась.

А спустя несколько дней после прибытия Лиды в полк в одном из первых полетов рана вывела ее из строя, и врачи сказали:

— Управлять самолетом вам пока что нельзя.

Лида пыталась протестовать, но врачи были непреклонны.

Она не пала духом, быстро освоила специальность штурмана и скоро опять стала летать уже как штурман. Хотя раненая рука Демешевой болела, действовала плохо, она, скрывая это даже от подруг, сражалась до конца войны.

Советская Армия, продолжая массовое изгнание немецко-фашистских захватчиков из Советского Союза, решительно, в упорных боях очищала от врага белорусскую землю.

Вместе со всеми нашими частями продвигался вперед и Таманский Гвардейский авиационный полк.

Из следующих временных стоянок на территории Белоруссии особенно запомнилась девушкам Новоеल्या — небольшой городок у одноименной железнодорожной станции. Станция подвергалась систематическим бомбардировкам, поэтому были приняты особые меры для охраны самолетов. Аэродром устроили в лесу, где самолеты хорошо маскировались.

Единственная в этих местах площадка, пригодная для полетов, была

очень мала. Бершанская вместе с командирами эскадрилий несколько раз обмерила ее вдоль и поперек, но, увы, площадка от этого не увеличилась, продолжая напоминать не то большую скатерть, не то лестничную площадку, как, смеясь, говорили полковые «крокодилы».

Выхода, однако, не было и решили все-таки вести боевую работу отсюда, разумеется, с особыми предосторожностями.

Бершанская, пригласив группу техников и вооруженцев, проинструктировала их: при выпуске самолетов надо держать машины за плоскости до тех пор, пока обороты мотора не станут максимальными, и тогда, по сигналу, разбегаться в стороны.

Так и стали делать. С замиранием сердца девушки следили за самолетом и облегченно вздыхали, когда его колеса поднимались над вершинами деревьев.

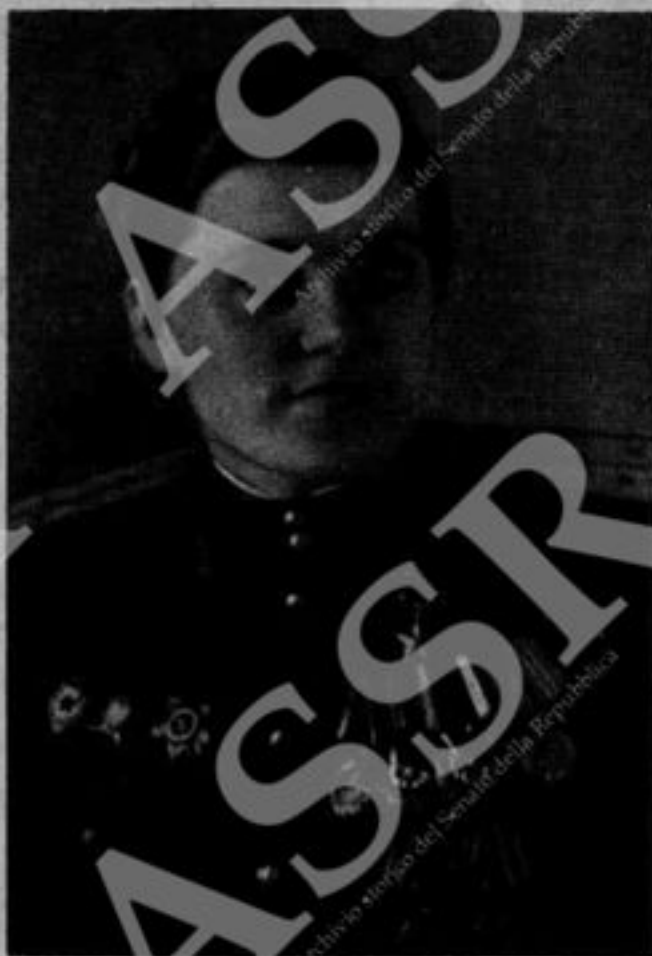
Несмотря на трудности, около десяти экипажей нанесли с этого аэродрома бомбовой удар по вражеским колоннам, отступавшим по дорогам к западу.

Наутро, после боевой ночи, весь полк собрался на городской площади. Девушки пришли подтянутые, аккуратно одетые, с белыми подворотничками, в начищенных до блеска сапогах, при орденах и медалях. Начальник штаба построила полк и подала команду «Смирно». Знаменосцы пронесли вдоль строя развевающееся гвардейское знамя с прикрепленным к нему орденом Красного Знамени.

Полк разучивал хоровое исполнение только что принятого правительством Государственного Гимна Союза Советских Социалистических Республик.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь...

Вечером, после захода солнца, полк снова выстроился на площади. Теперь сюда стеклось почти все население городка. Ребяتيшки забрались на верхушки деревьев. Прозвучала команда:

Герой Советского Союза
летчица Зоя Парфенова.
Совершила 680 боевых вылетов

— К исполнению Государственного Гимна, полк, смирно!
Полились звуки Гимна, и чем дальше, тем величественнее звучали они. Ежевечернее, после поверки, исполнение всем полком Государственного Гимна Советского Союза воспринималось девушками как своеобразная клятва, как выражение их верности Родине и нерушимого единства со всем советским народом.

«Нужно было видеть, — вспоминает Рая Аронова, — как население вначале с удивлением, а потом с восторгом слушало наше пение. Пели мы вдохновенно...».

Из Новоельни полк перелетел на аэродром в Главаче. С этого аэродрома летчицы-гвардейцы помогли нашим наземным частям переправиться через реку Супросль. Территория Советской Белоруссии была уже освобождена.

Несколько дней подряд экипажи полка наносили бомбовые удары по переправам и дорогам отступления противника к востоку и западу от Белостока. Экипаж Никулиной — Рябовой прямым попаданием фугасной авиабомбы повредил переправу. Блестящий по результатам полет в район Белостока совершили Зоя Парфенова и Ольга Голубева.

Получив задание разбомбить скопление вражеской техники, Ольга Голубева, как всегда, старательно подготовилась к вылету. Самолет вела Зоя Парфенова — летчик опытный, смелый.

Линия фронта осталась позади. Казалось, на территории противника все спало мертвым сном. Нигде не было видно даже маленького огонька. Но Голубева тщательно всматривалась во мглу. Вот вспыхнул и сразу потух слабый огонек. За ним — второй, третий, четвертый...

Зоя повела самолет на боевой курс. Ольга засекла место, где чаще всего мигали огоньки, и сбросила туда весь бомбовой груз. Вспыхнул большой пожар. На другой день наземные части сообщили, что в этом районе легкий ночной бомбардировщик взорвал склад с горючим.

Громя врага, войска фронта шли на помощь братскому народу Польши.

